

Б. ТРНКА и др.

К ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ СТРУКТУРАЛИЗМА ¹

Пражская лингвистическая школа считает, что предметом лингвистики является анализ языковой действительности, данной в высказываниях (как устных, так и письменных). Языковую действительность, как и любую другую комплексную действительность объективных фактов (например, физических, психологических и др.), можно познать и освоить, только вникнув в ее закономерности. Таким образом, законы, управляющие высказываниями в данном языке, как и законы естественных наук, следует считать законами абстрактными, но действующими и подпадающими контролю. По своему характеру они — в отличие от законов естествознания, действующих механически, — являются нормирующими (нормотетическими) и, следовательно, имеют силу только для определенной системы и в определенное время. Если эти законы закрепляются, например, в грамматике, они оказывают обратное нормирующее влияние на индивидуумов, усиливая обязательность и единство языковой нормы. Нормирующий характер языковых законов не исключает возможности, того, что некоторые из них действуют для ряда языков или даже для всех языков в исторически доступные для исследования эпохи (ср., например, закон минимального контраста смежных фонем в слове). Все языки мира имеют, помимо своих особенностей, и основные сходства; сходства эти следует подвергать научному анализу и сводить к научным законам.

Определяя структурализм как лингвистическое направление, считающее главным и самостоятельным предметом лингвистики отношения между отдельными «элементами» в системе языка, необходимо иметь в виду, что отношения и носители отношений («элементы») являются коррелятивными понятиями, обязательно сосуществующими. Решение проблемы взаимосвязи этих последних невозможно на основе одних лишь лингвистических данных и может быть осуществлено только путем использования данных других наук (например, логики). Несомненно, что отношения мы познаем путем исследования свойств их носителей и что каждый носитель определяется только своими свойствами, элиминация которых приводит нас не к какому-либо субстрату, а к уничтожению самого носителя. Структурализм является, на наш взгляд, направлением, рассматривающим языковую действительность как реализацию системы знаков, которые обязательны для определенного коллектива и упорядочены специфическими законами. Под знаком пражская школа понимает языковой коррелят внеязыковой действительности, без которой он не имеет ни смысла, ни права на существование.

Отметим, что под структурализмом часто понимаются самые различные

¹ Настоящая статья является совместной работой коллектива языковедов, объединенных в специальную группу по функциональной лингвистике в рамках Кружка по современной филологии (Kruh moderních filologů) при Чехословацкой Академии наук в Праге. В группу входят следующие ученые: проф. д-р Б. Трка, проф. д-р И. Вахек, проф. д-р П. Трост, д-р С. Лир, д-р В. Полак, доц. О. Духачек, д-р И. Крамский, д-р И. Носек, д-р М. Ренский, д-р В. Горжейши, д-р З. Виттох, Л. Душкова. Редактирование статьи провел проф. д-р Б. Трка. — *Ред.*

направления в лингвистике, возникшие в период между обеими мировыми войнами. Однако типичными можно считать лишь три направления структурализма: структурализм пражской лингвистической школы, структурализм Л. Ельмслева и структурализм американских школ, считающих себя последователями Л. Блумфилда. Общим для всех этих направлений является отход от младограмматических методов с характерными для них психологизмом и атомизированием языкового анализа. Общим для них следует признать и стремление рассматривать языкознание (которое младограмматики считают конгломератом психологии, физиологии, логики и социологии) как самостоятельную науку, опирающуюся на понятие «языкового знака». Впрочем принципы и методы работы указанных школ во многом значительно отличаются друг от друга, и поэтому нам кажется целесообразным применять для них особые названия, а именно: «функциональная лингвистика» для пражской лингвистической школы, «глоссематика» для направления Л. Ельмслева и «дескриптивная лингвистика» для направления Л. Блумфилда. В настоящей статье мы остановимся именно на этих трех школах. Другие структуралистические направления, в разной мере отличающиеся от этих трех основных, в статье рассмотрены не будут.

Направление Л. Ельмслева вводит в языкознание дедуктивный метод алгебраического исчисления (калькуляции) и провозглашает свою теорию не зависимой от языковой действительности. Оно не хочет быть суммой гипотез, правильность или неправильность которых нужно проверять фактами, а стремится «суверенным образом» определить свой предмет на основе предпосылки, число которых должно быть минимальным и которые должны быть возможно более общими, чтобы удовлетворять условиям применимости к возможно большему количеству конкретных языковых данных. Правильность языковой теории рассматриваемого направления зависит, следовательно, не только от правильности дедукции, но и от правильности общих предпосылок, из которых оно выводит свои положения. Однако эти предпосылки («текст» и «система»; «содержание» и «выражение»; «форма содержания» и «форма выражения»; понятие знака как обозначения «субстанции содержания» и «субстанции выражения» и т. д.), более или менее напоминающие принципы Ф. де Соссюра, не являются ни обязательными, ни вполне очевидными, и вся теория производит впечатление логически продуманного механизма, искусственно упорядоченной системы понятий.

Пражская школа не могла принять ничего из глоссематики Л. Ельмслева и особенно неприемлемым считает его понятие фонемы как простой «таксемы», тождество которой якобы заключается только в тождественности ее дистрибуции в словах данной языковой системы. Л. Ельмслев считает релевантные (или различительные) черты звуков, как и остальные нерелевантные их черты, «звуковой субстанцией» и, таким образом, создает искусственную преграду между звуком и «таксемой». Пражская же школа учитывает все свойства звука, обращая особое внимание на их релевантные черты, сумма которых обеспечивает тождество звука как фонемы. Например, англ. p^h и p в слове *paper* «бумага» является единой фонемой, определяемой суммой следующих релевантных черт: билабиальностью, взрывностью, ртвостью и глухостью, но не придыхательностью, так как эта последняя не является релевантной чертой в английском языке. Против, p^h в древнеиндийском языке является самостоятельной фонемой в отличие от p , так как придыхательность в этом языке — релевантная черта. Даже целые слова, например чешск. *ten-den*, могут отличаться друг от друга только одной релевантной чертой (т. е. звонкостью). Этот факт теория Л. Ельмслева не в состоянии объяснить.

В своих общих взглядах на фонологию теория дескриптивной лингвистики Л. Блумфилда отчасти соприкасается с пражской лингвистической школой. Но и здесь, вследствие своей бихевиористской основы, дескриптивная лингвистика отличается от структурализма пражской школы как в использовании определений и терминологии, так и в деталях фонемного анализа. Оба направления пользуются фонемой как единицей фонологического языкового плана, однако в то время как последователи Л. Блумфилда (Блок, Дж. Трейджер, З. Харрис) уделяют основное внимание дистрибутивным чертам фонемы, пражская школа считает фонему пучком релевантных (или различительных) черт, а не функционально неразложимой «таксемой» (термин Ельмслева), оторванной от этих черт.

Обе школы пришли теперь (хотя каждая из разных исходных пунктов и разными путями) к убеждению, что психологические критерии не могут быть использованы фонологией. Что касается семантических критериев, большинство представителей американской дескриптивной лингвистики не считает их решающими. Пражская же школа подчеркивает способность фонем различать слова и морфемы (ср. русск. *точка*—*дочка*, *курить*—*бурить*—*бурил*). Следовательно, при анализе языка в фонологическом плане необходимо учитывать границы слов и морфем, так как в противном случае фонологический анализ мог бы привести к ошибочным результатам (например, при фонологической оценке аффрикат или при определении нейтрализации фонологических противоположностей). С другой стороны, пражская школа подчеркивает, что фонемы как единицы фонологического плана языка не имеют значения (ср., например, английское слово *hand*, которое является не простой совокупностью фонем [h + æ + ð + n + d]), а чем-то иным). Хотя фонемы и служат различению слов и морфем, но не всегда используют эту способность (ср. английские согласные [h] и [ʃ], которые, несомненно, являются фонемами, хотя по отношению друг к другу не различают слов) и не являются даже единственными дифференциальными признаками слов и морфем. Так, омонимы можно определить как два или несколько слов с одинаковой фонемной структурой.

По указанным причинам некоторые лингвисты пражской школы теперь считают более правильным определить фонему только на основе ее способности отличаться от остальных фонем суммой своих релевантных свойств. Английские звуки *r^h* и *r* отличаются друг от друга придыхательностью, но так как придыхательность в английском языке зависит от ударности следующего гласного или же от имфазы (ср. *I hope!*), она не является релевантной чертой, и оба звука характеризуются одними и теми же релевантными свойствами, т. е. они являются двумя позиционными вариантами одной фонемы. Русские гласные *и* и *ы* являются позиционными вариантами одной фонемы, так как существование заднего *ы* механически обусловлено смежностью с предшествующим твердым согласным и, следовательно, определено внешним образом; вариант *ы* является вторичным, так как после мягких согласных и в изолированном положении стоит *и*. По мнению пражской школы, фонема является абстракцией, но абстракцией не менее необходимой, чем понятие «слова» в высказывании или «морфемы» в слове. Только такая абстракция (ею, впрочем, пользуются все говорящие на данном языке, хотя бы и незнательно) дает возможность свести большое количество моторно и акустически различных звуков к определенному числу фонем, а на письме пользоваться более или менее последовательно только небольшим инвентарем различительных знаков.

В деталях изложения основных принципов фонологии между последователями дескриптивной лингвистики Блумфилда и пражской школой существует немало разногласий. Разногласия наблюдаются также

и среди представителей каждой из этих школ, так как они — во всяком случае пражская школа, — в отличие от структурализма Ельмслева, не считают языковую теорию априорной наукой, а усматривают в ней сумму общих закономерностей, к познанию которых лингвисты приходят путем исследования конкретного языкового материала. Характерной чертой пражской школы, в отличие от де Соссюра и женеvской школы, а в известной мере и от школы Блумфилда, является также и структурное понимание исторического развития языка. Уже с самого начала своего существования пражская школа выдвигала, в противоположность женеvской школе, мысль о том, что язык представляет собой не только синхронную систему, в которой «tout se tient», но и систему, находящуюся в определенном временном движении. Это движение затрагивает все компоненты языковой системы (фонологию, лексику, синтаксис).

В истории языкознания структуралистское лингвистическое направление, несомненно представляя собой реакцию на «атомизирующие» методы и приемы младограмматической школы, стремится постигнуть языковую действительность более точно, чем это удалось сделать при помощи младограмматических методов. Некоторые идеи структуралистского характера появлялись уже в прошлом (например, в грамматике Панини, в трудах грамматиков эпохи Возрождения — в особенности итальянских — и в работах языковедов начала XIX в.). Однако ни одна из этих идей не могла стать основой законченной теории языкового анализа.

Оппозиция против младограмматизма, конечно, принимала в разных странах разные формы, так что структуралистское понимание языка имело в разных странах разные основания. Что касается пражской школы, то почва для ее возникновения была подготовлена, с одной стороны, научной деятельностью И. Зубатого (1855—1931)¹, выступившего против механистического понимания языка, а с другой стороны, стремлением В. Матезиуса (1882—1945) и его учеников (Б. Трнки, И. Вахка и др.) углублять методы синхронной и диахронной лингвистики. Во взглядах русских представителей пражской школы (Н. Трубецкого, Р. Якобсона, С. Карцевского) проявилось главным образом влияние Щербы, школы Шахматова и де Соссюра; кроме того, Трубецкой и Якобсон в своих работах учитывали результаты исследования неиндоевропейских языков, которые не поддаются анализу на основе традиционных методов, применяемых в сравнительной грамматике индоевропейских языков. Подобно этому опыт, полученный при анализе индейских языков, способствовал основанию структурализма американского типа.

Творческое развитие лингвистического структурализма может оказаться возможным лишь в том случае, если его представители будут стремиться, с одной стороны, постигнуть языковую действительность во всех ее существенных связях с внелингвистической действительностью, а с другой — уяснить все средства, которыми пользуется язык. Ввиду того, что структуралистские методы находятся пока только в стадии разработки (причем в разных областях языкового анализа они разработаны в неодинаковой мере), ни одной из школ не удалось до сих пор создать вполне удовлетворительное описание какого-либо языка как целого.

Основой морфологического исследования языка в понимании пражской школы являются понятия слова и морфемы. Слово представляет собой наименьшую единицу значения, реализованную фонемами (вернее, релевантными свойствами фонем) и способную перемещаться в пред-

¹ Некоторые ученики И. Зубатого (Б. Гавранек, И. М. Коржинек и др.) стали известными представителями Пражского лингвистического кружка.

ложении. Морфемы являются наименьшими единицами значения, на которые можно разделять слова (например, *рук-а, руч-н-ой, голос-ить*). Если оставить в стороне словообразование, задачи структурной морфологии по существу можно свести к двум моментам: с одной стороны, структурная морфология определяет морфологические оппозиции (например, оппозиции падежей, оппозиции числа и рода существительных, оппозиции глагольных форм времени и др.), их взаимоотношения в системе языка (например, образование так называемых пучков, характеризующих отдельные «части речи») и их нейтрализацию (например, нейтрализацию родительного и винительного падежей одушевленных существительных мужского рода в словацком языке; нейтрализацию числа существительных, не выступающих в качестве подлежащего, в дравидском языке; нейтрализацию родов во множественном числе в немецком языке; нейтрализацию числа в третьем лице глаголов в литовском языке и др.); с другой стороны, задачей структурной морфологии является определение средств, при помощи которых морфологические оппозиции данного языка выражаются в его фонологическом плане.

Пражская школа подчеркивает необходимость рассматривать морфологическую структуру данного языка с точки зрения его собственной морфологической действительности, а не с точки зрения традиционной латинской или любой другой грамматики. Если при изучении какого-либо языка исходить из морфологических норм другого языка или же из норм более ранних стадий развития изучаемого языка, то языковая действительность искажается или толкуется ошибочно. При морфологическом сравнении языков решающей является не норма какого-либо одного языка, а одинаковая оценка фактов каждого языка в отдельности. В понимании пражской школы, например, так называемые «части речи» (*partes orationis*) являются не априорными окаменевшими словесными формами, существование которых необходимо в каждом языке, а группами слов, выделяемыми в данном языке на основании участия их в морфологических оппозициях. Так, существительным в русском языке является каждое слово, способное участвовать: 1) в оппозиции падежей, 2) в оппозиции чисел, 3) в оппозиции родов, даже если морфологическая основа слова выражает свойство (например, *доброта*) или деятельность (например, *бегение*). Из того, что деление слов на «части речи» обусловливается различиями между совокупностями морфологических оппозиций, в которых в данном языке участвует «часть речи», следует, что количество частей речи в разных языках не одинаково и что даже при одинаковом количестве они могут находиться в разных взаимоотношениях. По мнению представителей пражской школы, деление слов на «части речи» по другим критериям (семантическим или фонологическим) при изучении морфологии языка не может привести к плодотворным результатам. Пражская школа расходится с грамматической традицией и в другом отношении, а именно: в понимании морфологической аналогии. Для сторонников младограмматической школы аналогия представляла фактор, нарушающий закономерности звуков; для пражской же школы аналогия является реализатором морфологических оппозиций. Определенная связь и взаимодействие морфологических оппозиций с фонологической системой языка не нарушает закономерностей указанной системы. Морфологическая аналогия, таким образом, не дает возможности возникновения и развития в языке новых фонем или новых комбинаций фонем в слове, так как последние возникают лишь на основе развития самой фонологической системы.

Различие между синтаксисом и морфологией представляется некоторым структуралистам (сторонникам женевской школы, Карцевскому,

Трубецкому, Брёндалю, Гардинеру) как различие между анализом «синтагматическим» и «парадигматическим». Другие выводят это различие из того факта, что единицей морфологии является слово или морфема, между тем как единицей синтаксиса является предложение. Именно в предложении, по мнению этих лингвистов, происходит деление на синтагматические отношения (основным из которых является отношение подлежащего к предикации) и видоизменение значений как морфологических оппозиций, так и слов. Пражская школа склоняется к последнему взгляду, более близкому грамматической традиции; однако она еще не выработала для синтаксического анализа языка особого метода, такой она создала для фонологического, а в известной степени и морфологического анализов.

Пражская школа в особенности подчеркивает тот факт, что нельзя противопоставлять синтаксис как науку об изменчивых, индивидуальных элементах (*parole*) морфологии как науке о постоянных, коллективных, или социальных, элементах (*langue*), так как в обеих областях грамматики (в синтаксисе и морфологии) действуют как нормирующая закономерность, так и индивидуальная актуализация нормирующих элементов. Пражская школа видит здесь две разные степени грамматической абстракции в анализе языкового материала (т. е. высказываний). В результате деления предложения на части не получают элементы морфологического порядка (т. е. слова и морфемы), и, наоборот, сложенные элементы морфологического плана не приводят к единице синтаксического плана — предложению, так как предложение (например, *отец лежит больной*) представляет собой нечто большее, чем простую совокупность изолированных слов, так же, как здание больше, чем сумма кирпичей, или начатая шахматная игра больше, чем совокупность функций фигур. Слова и формы слов, выражающие морфологические оппозиции, представляют лишь средства, которыми пользуется предложение как знаменательная единица высшего порядка. В этой связи основной задачей синтаксиса следует признать, с одной стороны, определение синтагматических отношений и морфологических средств их выражения¹ (последние в предложении подвергаются различным знаменательным видоизменениям), а с другой стороны, выявление комбинации этих отношений (сложное предложение и синтаксические отношения в сложном предложении).

Пражская школа, следовательно, точно отличает морфологию от синтаксиса как два раздела науки о двух различных языковых планах. В отличие от женеvской школы, пражская школа, однако, не делит языковой анализ на «синтагматику» и «парадигматику», так как оба эти отношения проходят через все слои языка. Так, например, фонологический аспект охватывает не только состав фонем и их релевантных свойств, но и систему их комбинаций в слове и в морфеме. Подобно этому, при изучении морфологии мы рассматриваем как морфологические оппозиции и их фонологические реализации, так и комбинации этих оппозиций в предложении, не смешивая при этом элементы морфологического плана с элементами плана синтаксического. Пражская школа не признает выдвинутое американскими лингвистами положение о так называемых «непосредственно составляющих» (*immediate constituents*) (которое следует считать завершением концепции синтагмы де Соссюра), так как оно приводит лишь к механическому анализу дистрибуции языковых единиц без учета различий морфологических и синтаксических единиц. Понятие синтагмы никогда не было исходным методи-

¹ Имеются в виду морфологические оппозиции.

ческим принципом пражской школы (конечно, если оставить в стороне труды некоторых ее русских представителей—Карцевского и Трубецкого)¹. Основным пороком синтагматики пражская школа считает—помимо смешения разных языковых планов—стремление сводить взаимоотношения всех языковых элементов к отношению «определяющее/определяемое» и попытки вместить в эту схему также отношение «подлежащее/сказуемое».

Из сказанного следует, что пражская школа преодолевает резкую дихотомию «язык/речь» (*langue/parole*) де Соссюра. Языковые факты, толкуемые де Соссюром как речь (*parole*), пражская школа считает высказываниями, т. е. языковым материалом, в котором языковедам следует определять законы «интерсубъектного» характера.

Предположение взаимных связей между морфологией и синтаксисом, с одной стороны, и лексикой, с другой, оказывается для лингвистического исследования необходимым хотя бы по той причине, что элементы всех этих трех областей языка взаимодействуют в процессе общения. Законы, управляющие элементами указанных трех частных систем, должны иметь объективный характер и гармонизировать друг с другом. Структурная связь лексики с морфологией обуславливается тем, что любая морфема (основа, суффикс, префикс) должна иметь значение, без которого она представляла бы лишь группу фонем. Связь лексики с синтаксисом, в свою очередь, определяется тем, что различные значения слов проявляются в предложениях. С точки зрения пражской школы, лексикология имеет дело с более или менее исчерпывающей совокупностью фактического материала из фонологической, морфологической, синтаксической и стилистической областей языка. Материал этот обычно располагается в алфавитном порядке, чаще всего без контекста и сопровождается либо приблизительными определениями, либо приблизительными иноязычными эквивалентами. Решение проблемы применения структурных методов в области лексикологии является одной из будущих задач пражской школы.

С применением структурного принципа описание исторических языковых изменений, приводимое современной исторической грамматикой, превращается в описание исторического движения всего языка, всех его релевантных составных частей и взаимоотношений (в том числе и тех, которые на первый взгляд оказываются не затронутыми такими «изменениями»). Даже при реконструкции элементов языка следует учитывать всю систему языка в целом, т. е. следует синхронизировать рассматриваемые элементы языка с другими его элементами в той мере, в какой они доступны для диахронического исследования в отношении данного периода времени. Структурный принцип анализа, следовательно, приводит языковедов к более реальному пониманию языковых реконструкций и дает возможность правильнее оценить надежность результатов, полученных при исследованиях, основанных на других принципах. Конечные цели исторического и реконструктивного структурного исследования по существу не отличаются от задач синхронного структурного исследования: и в том, и в другом случае необходимо выявить определенные языковые закономерности. Диахронные законы отличаются в структурном языкознании от синхронных только тем, что они ограничены во времени относительно хронологий и приводятся в исторической последовательности. Например, закон нейтрализации звонкости щелевых *f*, *ɸ*, *x*, и появление варианта *z* после неударяемых гласных в германском языке—основе (так называемый закон Вернера) может рассматриваться как диа-

¹ Отметим, что Карцевский принадлежал скорее к Женевской, чем к Пражской школе.

ронный в связи с определением причины его действия (перенос германского ударения на первый слог основы).

Нет сомнения в том, что ни одна из трех структуралистских концепций не учитывала в достаточной мере взаимные связи между языком и обществом. У копенгагенской школы этот недостаток обусловливается самим существом ее теории, созданной дедуктивным путем и независимо от языковой действительности. Известно, что проблема связи языка и общества нашла некоторое отражение в работах Э. Сепира. Однако американские дескриптивисты, которые часто ссылаются на него как на своего предшественника, оставили без внимания соответствующую проблематику — прежде всего вследствие узкого практицизма своих синхронических исследований.

Тенденция некоторых представителей пражской школы рассматривать язык как имманентную систему, проявлялась, в частности, в чрезмерном подчеркивании по существу правильного положения о терапевтическом характере многих языковых изменений. Однако эта тенденция пражской школе с самого начала уравновешивалась функциональным пониманием языка как системы, удовлетворяющей выразительным потребностям членов данного языкового коллектива. Так как выразительные потребности в процессе развития данного коллектива растут и дифференцируются, то исследование этого роста и дифференциации неизбежно привело к осознанию взаимных связей между историей языка и историей языкового коллектива¹. Как правильно заметил К. Горалек, основной ошибкой структурализма Пражского лингвистического кружка являлся как раз «недостаток структурализма», а именно неполный учет того факта, что структура языка тесно связана с окружающими ее структурами.

С другой стороны, следует отметить, что воздействие истории языкового коллектива касается не всех планов языка в одинаковой мере. История коллектива, несомненно, больше всего воздействует на лексический состав языка, в котором появляются все новые наименования для новых или же по-новому осознанных внелингвистических фактов, возникающих в языковом коллективе на протяжении его истории. Менее интенсивно проявляется влияние истории в грамматическом плане (синтаксис и морфология), хотя и здесь имеют место хорошо известные явления, как, например, заимствование английского местоимения *they* из скандинавского, смена местоимения *thou* современным *you* и т. п. Слабее всего влияние истории языкового коллектива отражается в звуковой области. Основной особенностью звуковой системы какого-либо языка является то, что эта система как бы предоставляет в распоряжение языкового коллектива определенный круг четко отличающихся друг от друга единиц (например, фонем). Эти единицы в свою очередь используются лексикой и грамматикой, непосредственно служащими данному языковому коллективу для удовлетворения его потребностей общения. Отмеченная особенность звуковой области языка оказывается по существу постоянной для всех языков и всех времен. Именно сравнительно слабой связью между звуковой областью языка и историей языкового коллектива можно объяснить тот факт, что, вопреки определенным тенденциям имманентизма у некоторых представителей Пражского лингвистического кружка, результаты большинства фонологических трудов, выполненных его членами, до сих пор остаются полезным вкладом в конкретное исследование звуковой области языка. Однако было бы ошибочным предполагать, что влияние истории языкового коллектива на звуковую структуру языка

¹ См. B. H a v r á n e k, *Vývoj spisovného jazyka českého*, «Československá vlastivěda», řada II, Praha, 1936.

вообще не проявляется. Встречаются интересные доказательства такого влияния, конечно, лишь косвенного; это касается главным образом адаптаций и изменений в фонологической системе, вызванных (или по крайней мере ускоренных и облегченных) освоением лексических заимствований, в которых отдельные звуки находятся в иных фонологических отношениях, чем в исконных словах данного языка. В английском языке, например, фонологизации противопоставления по глухости/звонкости щелевых ($f-v$, $s-z$), которое сначала носило нефонологический характер, способствовало освоение заимствованных слов из французского языка где звуки f и v , s и z являлись самостоятельными фонемами.

Из приведенного с полной очевидностью вытекает, что при исследовании связей истории языка с историей народа вполне возможно использование методов структурной лингвистики, но, конечно, лишь в той мере, в какой позволяет характер отдельных планов языка.

Для полного познания языковой действительности следует сочетать качественный анализ элементов языка с количественным (статистическим) анализом. Только учитывая — помимо качественной стороны элементов языка — также и их количественные отношения к другим элементам языка, мы можем их полностью познать. Так, например, определение средств образования множественного числа в английском языке окажется неполным, если оставить без внимания их продуктивность. По существу, количественный характер имеет и так называемая типология языков, так как она стремится обнаружить продуктивность определенных морфологических приемов и других явлений в рассматриваемых языках. Количественный анализ, однако, не должен стать самоцелью; он должен, наоборот, широко применяться при решении проблем качественного характера. Языковедение — как и остальные общественные науки — применяет количественный анализ для познания сложной и разнородной действительности, отражаемой в языке посредством связных высказываний; исследование здесь обнаруживает или подтверждает скрытые взаимные отношения и тенденции.

Количественное (статистическое) исследование (независимо от того, служит ли оно определению частоты или периодичности данных языковых явлений в связанном языковом материале), следовательно, имеет также эвристическое значение не только для синхронного, но и для диахронного исследования. Количественное исследование может обнаружить противоречия между численными отношениями, ожидаемыми на основании существующих познаний, и между действительными численными отношениями, что заставляет предпринять новое исследование и пересмотреть результаты качественного исследования. Статистическое исследование, например, показывает, что глухие согласные в чешском языке встречаются гораздо чаще, чем соответствующие звонкие, не только в связных текстах, но и в фонологической структуре чешского словаря; однако чешский глухой согласный ch , как ни странно, встречается реже, чем соответствующий звонкий h . Это неожиданное исключение объясняется, во-первых, происхождением ch , а во-вторых, тем, что оппозиция h/ch возникла только после изменения $g > h$ и что она более позднего происхождения, чем пары t/d , p/b , s/z и т. п. Точные цифры, применяемые количественным языковедением, могут явиться полезным, а иногда и необходимым вспомогательным материалом как при анализе языковых фактов, так и при реконструкции развития языка. Что касается применения «математического языка» в лингвистическом исследовании, то, по нашему мнению, такой прием иногда оказывается нецелесообразным, так как создает трудности для читателей, преимущественно филологов.